

Александр
Пушкину –
210

Наше всё

Борис Вайнер

ПУШКИН В ДАТСКОЙ* КРИТИКЕ

103

Наступил очередной Пушкинский год.
А вместе с ним – апогей и апофеоз датской критики.
Точнее говоря – апофигей.
Потому, что до самого Александра Сергеевича критикам дела нет.

Он им, собственно, до лампочки Ильича.
Они вообще не о нём. Они о себе, любимых.
Они на его день рожденья решили себе подарок сделать.
Снимок на фоне.
И сделали.
Сварганили.
Состряпали.
Слепили из того, что было.
А была у них его жизнь.
А из чужой жизни при желании можно слепить что угодно.
Если не жалко.
Вот мы теперь и читаем что *им* угодно:
– что Пушкин был чистой воды западник;
– что Пушкин был чистого кваса патриот;
– что женщинам он делал одни гадости, а эти дуры его ещё и любили;
– что дружеские его чувства тоже сильно преувеличены – вот и на Сенатской площади он замечен не был;
– что он, наконец, из чистой вредности сам себя и убил, вероломно используя для этой цели славного французского парня Дантеса.
И это, как выражаются наши рекламные агенты, ещё не всё. И мы, возможно, прочтём:
– что Бенедиктов писал лучше. Не говоря уже о графе Хвостове;

* Литературно-критические публикации, посвящённые определённым датам.

– что все свои стихи Пушкин украл у Байрона. Кроме «Гавриилиады», которую он украл у Баркова;
 – что Пушкин был женщина;
 – что Пушкина вообще не было, его Никита Богословский придумал (а почему это Шекспира *может* не быть, а Пушкина не может?);
 – что Пушкин, наконец, любил камнями кидаться. «Как увидит камни, так и начнёт ими кидаться. Иногда так разойдётся, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!»

Правильно, это уже Хармс.
 Тридцатые годы.
 Золотое Даниилу Ивановичу досталось времечко.
 Тогдашних пушкинистов ещё можно было всерьёз пародировать.
 «Ну что, брат Пушкин?» – «Ничего, брат».
 Это не о Пушкине.
 Это об «идиотизме восприятия великого человека мелким человеком», итог всех попыток которого, по определению Виктора Шкловского, – лишь «порванная сеть, прошедшая через пустую воду».

Опасно писать о гении, не будучи ему соразмерным.
 Не равновеликим, но соразмерным.
 Уж лучше на эту ухабистую дорогу вовсе не вступать.
 В давней сценке того же Хармса Пушкин и Гоголь то и дело спотыкаются друг о друга, приговаривая: «Опять об Пушкина!.. Опять об Гоголя!»
 Точь-в-точь наше юбилейное литературоведение.
 То об Льва Толстого.
 То об Солженицына.
 А нынче – и крепче всего – об Пушкина; что значит всенародная любовь и юбилей.
 Это же всем birthdays birthday!
 А Он вас пригласил?

Илья Нустоватый

ЭТОТ ДУРНЯШКА МОГ НРАВИТЬСЯ...

105

*И всё же факт удивительный: самый русский поэт по
происхождению – эфиоп!
В этом мудрая ирония и даже лёгкая издёвка...
Формальный повод вспомнить о нём сегодня – юбилей.
И всё-таки попробуем сделать это неформально...*

Бедный Пушкин

Около 9 часов вечера. Поэт прибыл на Васильевский перевоз. Волгу пересекали при факеле. Пушкин хотел было заночевать в Васильеве, однако... Частые разбои и даже убийства вынудили властей установить на въезде в посёлок чёрный столб с предупреждением к путешественникам об опасности.

О том, что поэт был беден, известно всем. Перед тем, как отправиться в Казань и далее, он записал: «В дорогу собирались спешно. Никиту посылал к разным знакомым с записками об одолжении денег. На деньги, взятые у Вяземской, купили модную, даже щегольскую коляску».

Заглянем в дорожный сундучок-подголовник, который неизменно путешествовал с Александром Сергеевичем по многим дорогам Российской империи. В нём ждали своего часа: бумага почтовая, перья, чернильница, калоши, фляжка рома, 4–5 фунтов голландского сыру, горчица, курительница и аллюметт – предок зажигалки в виде серебряного цилиндра, где томился огонёк. В особый ларец был уложен талисман – перстень с сердоликом и еврейской надписью. На пальце носить его было тяжело.

Тайники для денег по обыкновению устраивали в обшивке кресла или дверцы. Их изготавливали столичные мастера – изобретательные умы на всякие там хитроумные штуки. Тайник-то у Пушкина был, но вот денег...

Прошляпили!

Пушкин прибыл в Казань глубокой ночью 5 сентября 1833 года. В тогдашней официальной газете «Казанские губернские ведомости» – ни строчки о его приезде, зато газета оповестила о прибытии в город среди прочих особ некоего дворянина Дубровского по делам сгоревшего имения.

В то время в газетах отводилась специальная колонка, где сообщалось о прибытии в город не только значимых лиц, но даже купцов. А у Пушкина в подорожной было записано: «Едет по особому высочайшему повелению для розыска материалов по Пугачёвскому бунту» и что все «губернаторы обязаны оказывать ему на месте всякую помощь».

Такого человека прошляпили!

106

Когти поэта

Наутро Пушкин получил приглашение отобедать у казанского поэта Эраста Перцова.

После застолья сели за шахматы. Играл гость плохо, часто отвлекался, но зато изящно отдавал свои фигуры, подталкивая их в западню своим знаменитым длинным ногтем на мизинце. Когда Пушкин продолжил своё путешествие и добрался до Яицкого городка – Уральска, его длинные ногти наделали много шума. Перепуганные казаки донесли своему начальству: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, лицом смуглый – подбивал под пугачёвщину и дарил золотом: должен быть Антихрист, потому что вместо ногтей у него когти».

Любезный дурняшка

Все прижизненные портреты поэта были сделаны художниками, которые знали, что перед ними Пушкин, и им трудно было избежать восторженности. Но вот, до нас дошёл словесный необычайно живой портрет поэта, «нарисованный» неизвестной девушкой, по воле случая оказавшейся рядом с ним:

«В этот день у Губернатора обедал молодой человек, нас не познакомили, и я не знала, кто он таков. Я запомнила наружность этого гостя, на вид ему было более 30. Он носил баки. Смуглое лицо его было оригинально, но некрасиво: большой открытый лоб, длинный нос, полные губы – вообще, неправильные черты. Но что у него было великолепного – так это тёмно-серые с синеватым отливом глаза. Нельзя передать выражения этих глаз: какое-то жгучее, а притом ласкающее. Я никогда не видела лица более выразительного. Когда он смеялся, блестели его ослепительно белые зубы. Манеры у него были светские, но слишком подвижные. Он хорошо говорит. Ах, сколько было ума и жизни в его искусственной речи. А какой он весёлый, любезный – прелесть! Этот дурняшка мог нравиться...»

ЭТОТ ДУРНЯШКА МОГ НРАВИТЬСЯ...

Как Пушкин в баню ходил

Под Казанью, в излучине речки Нокса Александр Сергеевич искал пугачёвский дуб. Погода была сырая, и ноги озябли. «Дядька» казанского поэта Эраста Перцова Никифор, нагрел в кадлушке воды. Пушкин опустил ноги, довольный, крикнул, и вдруг стал разговаривать со своими ногами! «Эх вы, ноги мои, ноги, исходили по указке царя все дороги!» Но на том дело не кончилось...

Вечером, когда он с Перцовым пошёл в баню, тот удивился, что Пушкин стал разговоры вести, по мере намыливания, со своими ушами, глазами, шеей, плечами... Чем ниже скользила мочалка, тем доверительнее и поэтичнее становился разговор. Одна из таких пушкинских прибауток сохранилась в дневнике Эраста Перцова: «Ах ты, попка моя худущая, с щёчками бледными! Заместо вас были бы у меня две подушки пуховы, как у разбитной Матрёны, я бы вас таки лелеял, таки холил, не давал бы тискать ни жиду, ни облезлому чиновнику, а только гусару Денису Давыдову!»

«Мочи нет, болею...»

Наутро Пушкин отправился в Суконную слободу к шерстяному заводу, а оттуда напрямиком в самое словоохотливое местечко – «Горлов кабак», называемый так потому, что рабочие здесь, набравшись водки, драли горло вольными песнями. Здесь Пушкин встретился с очевидцем восстания Василием Бабиным. Со слезами на глазах тот живописал зверства карателей над пугачёвцами: «Вешали за ребро, сажали на кол. Рели (т.е. виселицы) стояли ещё лет десять после Пугачёва и петли болтались для острастки».

Чтобы показаться среди завсегдатаев своим, Пушкин потребовал шей горшок и водки – штоф, наутро же в письме домой, пожаловался: «Мочи нет, болею...».

На ужин – поэма с барашком

Последний ужин был обещан Карлу Фуксу, врачу, учёному и краеведу. Беседуя, они возвращались после прогулки по городу. У крыльца дома Фукса поджидал посыльный от больного. Он хотел было отказать, но Александр Сергеевич пристыдил и «принудил его ехать», так что совместный ужин был принесён в жертву клятве Гиппократата. Таким образом, Пушкин ужинал тет-а-тет с супругой Карла Фёдоровича поэтессой Александрой Андреевной.

Из письма Александры Фукс своей подруге мы знаем, что подавали в этот день на стол: была утка в яблоках по-люнебургски, как экзотику поднесли барашка по-татарски, а на десерт «кусочки сдобного теста в меду».

Они провели добрых два часа, Фукс читала ему свою длинную в 405 строк поэму под названием «Жених». Пушкин чрезвычайно хвалил, просил повторить на бис отдельные места. Но, кажется, поэт лукавил, стихи были, как бы это сказать, никакие-с.

Подтверждение тому: ни одно из многочисленных произведений Александры Андреевны, посланных Пушкину для «Современника», не было опубликовано. Её многочисленные к нему письма поэт не хранил. Одно из них было найдено пушкиноведами в томике Языкова изрезанным на закладки.

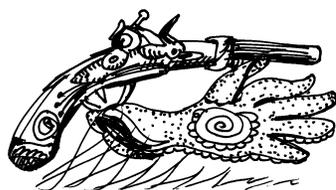
«Наивные Фуксы и не подозревали, – полагает пушкиновед Евгений Бобров, – что столичный гость сердечно над ними потешался».

Ах ты, сукин сын!

Как бы там ни было ранним утром, покидая Казань, Пушкин послал Фуксам благодарственную записку с приглашением посетить его в Петербурге, а своей супруге Наталье Гончаровой отправил письмо следующего содержания:

«Я в Казани с пятого... Сейчас еду в Симбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками – современниками моего героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону».

И добавил: «Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорождённый младенец. Дорогою волочился я за одними восьмидесятилетними старушками, а на молоденьких зассых и не глядел!»

Феликс Пиратия

НА ФОНЕ НЕВСКОГО СНИМАЕТСЯ СЕМЕЙСТВО

Неистошимого на выдумки Сальвадора Дали как-то раз посетила очередная «гениальная» идея: определить, кто есть кто в мировой живописи. Недолго думая, он начертил сетку, в которую по одной оси вписал имена известных художников, а по другой – названия дисциплин, «успеваемость» в которых, по его мнению, могла бы служить критерием одарённости. В их числе, наряду с «техникой», «цветом», «сюжетом», были, к примеру, и такие абстрактные понятия, как «вдохновение», «подлинность», «тайна». После этого, со свойственной ему категоричностью, великий фантазёр принялся по двадцатибалльной шкале выставлять оценки. Как ни странно, в результате эксперимента выяснилось, что победителем «хит-парада» стал не единственный представитель «жюри» – он «благородно» пропустил вперёд старых мастеров: Веласкеса, Рафаэля, Леонардо. А на Олимпе «шорт-листа», лихо заломив свою фламандскую шляпу, царственно воссел Ян Вермеер, лишь в графе «композиция» слегка не добравший до максимума.

К потугам экстравагантного испанца, конечно же, лучше всего отнестись с доброй иронией: искусство – не спорт; любая «арифметика» в нём субъективна. Да и нужно ли вообще выявлять «чемпиона»? Ведь каждый творец уникален, ибо ловит в доступном лишь ему «диапазоне». И каждое произведение непременно находит своего адресата.

Но бывает и так, что поиски «чемпиона» лишены смысла по другой причине. Потому, что «чемпион» этот очевиден и находится вне всякой конкуренции. Как, например, в русской поэзии. И тут уже «метод Дали», несмотря на всю свою вычурность и анатомичность, может обернуться не последним аргументом для скептиков, а также всех любителей сбрасывать балласты с пароходов и «шаттлов» современности.

Совершенно верно, речь об Александре Сергеевиче. Нисколько не умаляя других властителей наших сердец и дум, можно безошибочно предсказать, что в сумме «многоборья» (не обязательно «победив» в каждом разряде) Пушкин уверенно займёт высшую ступень пьедестала. Скажем, «новаторов» Хлебникова и Маяковского он легко обойдёт в номинациях «мелодичность» и «лиризм»; «лиричного» и «народного» Есенина и «ритмичного» Бальмонта оставит далеко позади по «эрудиции» и «остроумию»; «интеллектуально-афористично-метафоричному» Бродскому не оставит никаких шансов в разделах «романтичность» и «простота». И так далее.

Но чем же навеяны эти полусерьёзные строки?

Накануне двухсот десятой годовщины со дня рождения нашего величайшего поэта вся страна стала свидетелем любопытного спектакля. Отечественное телевидение, видимо решив перещеголять короля сюрреализма, объявило «конкурс» на звание человека, олицетворяющего всю Россию. Естественно, выдвигались кандидаты, прославившиеся в совершенно разных сферах деятельности. Попросту говоря, нам предлагали решить милую задачку: жираф выше, или «Жигули» быстрее? Но, хотя и ёжику понятно, что сравнивать даже поэта с прозаиком, а тем более хоккеиста с фигуристом можно только хорошенько наглотавшись тумана, – тем не менее вопрос прозвучал. А поставленный вопрос, даже самый абсурдный, требует если не ответа, то хотя бы осмысления: с какой целью он задан? Что хотели узнать или что хотели внушить россиянам? Кого, или, вернее, что мы выбирали? Симпатичных нам исторических личностей, или то, что они символизируют в массовом сознании?

Оставим в стороне случайность списка голосовавших и неподконтрольность процесса подведения итогов. И сразу перейдём к рассмотрению «турнирной таблицы».

Прежде всего настораживает живучесть и высокое «железное» место Того-чьё-имя-нельзя-называть (архетип «Сильная рука»), лишь малость недотянувшего до «бронзы». Девиз: «Нет человека – нет проблем!»

Далее следует «серебряный» Столыпин (архетип «Материальное благополучие»), этот александрийский столп николаевской экономики, притянувший под свои знамена «избирателей», комплексующих перед богатым Западом.

«Золотого» же «Гран-при» удостоился Александр Невский (архетип «Защитник Родины»), ведший, по легенде, лишь оборонительные войны. Девиз, разумеется: «Кто с мечом к нам придёт...» Насколько велики реальные заслуги новгородского князя (приёмного сына хана Батыя и названного брата Батыева сына – царевича Сартака) перед Русью, пусть решают историки. По мнению же автора (которое, как известно, не всегда совпадает...), в сегодняшней России едва ли найдётся много людей, даже после десятой рюмки могущих заявить, что Столыпин или Невский – это «наше всё». Да к тому же история знает примеры, когда народы, даже лишившись независимости или оказавшись в тяжёлых экономических условиях, вопреки этим напастям, напрягали все духовные силы и, сконсолидировавшись

вокруг своих флагманов (Бёрнс, Мицкевич, Тукай), являли миру чудеса стойкости и героизма.

А что же «бронзовый призёр» – Пушкин? Не беспокойтесь, друзья: «забронзовелость» ему не грозит! Пытающихся «втереть» россиянам, что литература у нас, наконец, заняла положенное ей место этакое развлекательного довеска к бизнесу и политике, он игнорирует. К своему меченосному тёзке, думается, относится с уважением, нас к нему не ревнует и с высоты своего нерукотворного памятника снисходительно взирает на разыгравшуюся внизу комедию. Уж он-то знает, что душа любого народа – это Слово! Что до тех пор, пока детям и внукам будут прививать любовь к родной речи, нация непобедима! И, несмотря на свою не совсем русскую внешность, остаётся Именем, Лицом и Голосом России.

Красноречивее всех «избирательных кампаний» об этом говорят цветы, которых на его могиле больше, чем у всех других «номинантов», вместе взятых. Лучшим доказательством благодарной любви к нему являются наши молитвы. А приятнейшим подарком юбиляру, конечно же – искренние стихи!

112

александру пушкину – 210

посвящения

Сергей Малышев

* * *

Как мы завидуем Вам,
Александр Сергеевич Пушкин,
Вам – остролову, бретёру, картёжнику,
и волоките,
перстню и трости чугунной завидуем,
и бакенбардам,
ногтю на Вашем мизинце,
кудрям и плащу альмавиве.

Как влюблены в Вашу лёгкость и дерзость,
глаза голубые,
в Вашу угрюмость и хохот,
застенчивость Вашу и наглость...
Ну а стихи – это дело другое,
из школьной программы.
Может, при Вашем-то образе жизни
Вы их не писали.

Дельвиг творил их, а может быть, Вяземский
или Жуковский,
дядюшка Ваш или тётушка,
или – частично – Тынянов.
Авторство что для стихов-то?
Написаны, ну да и ладно.

Много ли помним о жизни Гомера, Бояна,
Шекспира?

Вы же действительно жили –
наделали шуму. Иначе,
школьным «Онегиным» с творчеством Вашим
закончив знакомство,
знали бы столько о Вас мы
и были вполне солидарны
с теми, кто нам объясняет, что Вы – наше всё.

Геннадий Капранов

Пушкин

Россия, светский, беспросветный,
наследственный идиотизм
и крупнозвёздный, эполетный
патриотизм-паразитизм.

Столица – град кавалергардов,
столица – стадо эполет,
и – профиль барда в бакенбардах,
точно дуэльный пистолет.

По этим танцам, этим вистам,
по этой знати родовой
твой профиль бил огнём, как выстрел
сквозь дым кудрей пороховой!..

Ещё у входа в то столетье,
ещё не видя ясно цель,
с лицейской рифмой в пистолете,
уже он вышел на дуэль.

Стрелял прицельно. Метко. Смело.
И стадо поднимало вой.
О, сколько залпов прогремело
сквозь дым кудрей пороховой!

И был убит во цвете лет он
на поединке роковом –
наземный Демон с пистолетом
в дыму кудрей роковом.

Бей громче, дуло пистолета!
Среди кладбищенских гирлянд
помянем выстрелом поэта!
Он был отличный дуэлянт!